

А. В. ТОИЧКИНА *

**ПСИХОЛОГИЯ ИГРЫ В РУЛЕТКУ В ЖИЗНИ
ДОСТОЕВСКОГО, ЕГО РОМАНЕ «ИГРОК»
И ФИЛОСОФСКИХ ТРУДАХ Н. Н. СТРАХОВА ****

Аннотация: В статье выдвигается гипотеза, что изображение «ада рулетки» создается Достоевским во многом с опорой на научные разработки в сфере психологии и физиологии его времени. Работы Страхова по психологии до сих пор не изучались в роли источника психологического реализма Достоевского. Контекст работ Страхова по психологии позволяет исследовать специфику развития творческого метода Достоевского, описать механизмы решения таких проблем, как воля и свобода выбора героя в произведениях писателя, в частности в романе «Игрок». Анализ проблемы воли в контексте объективно-идеалистического подхода Страхова дает возможность проинтерпретировать ее воплощение в произведении в соответствии с авторской модальностью творческой лаборатории писателя. Исследование выявило многосоставный характер реализованного Достоевским в образе Алексея Ивановича типа игрока, в котором переработаны и сплавлены в новом образном единстве типологические черты мечтателя и подпольного героя. Проблема свободы воли оказывается ключевой в процессе художественного познания тайны человека в романе «Игрок». Достоевский, с одной стороны, учитывает концепцию Страхова, а с другой стороны, полемизирует с ним. Анализ проводится с опорой на подход, разработанный Д. И. Чижевским. Проведенное исследование позволяет на современном этапе восполнить лакуны, существующие в источниковедческой базе достоевсковедения.

Ключевые слова: Страхов, Достоевский, психология, психологический реализм, «Игрок», свобода воли.

* Александра Витальевна Тоичкина, канд. филол. наук, доц. кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета; Alexandra V. Toichkina, PhD, associate professor at the Sankt-Petersburg State University. a.toichkina@spbu.ru

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №23-28-01302, «Методология аксиологического подхода к изучению русской словесности А. А. Ухтомского и Д. И. Чижевского»; <https://rscf.ru/project/23-28-01302>

THE PSYCHOLOGY OF ROULETTE GAME
IN THE DOSTOEVSKY'S LIFE, HIS NOVEL "THE GAMBLER"
AND THE PHILOSOPHICAL WORKS OF N. N. STRAKHOV

Annotation: The context of Strakhov's works in psychology allow us to investigate the specifics of the mechanism for creating the image of a gambler in the writer's eponymous novel; consider the features of Dostoevsky's psychological realism through the prism of Strakhov's scientific developments, which have not yet been updated in Dostoevsky studies. Analysis of the poetics of dreams and the problem of will in the context of Strakhov's objectively idealistic approach allows us to interpret them in accordance with the author's modality of Dostoevsky's creative laboratory. The study revealed the multi-component nature of the type of player realized by Dostoevsky in the image of Alexei Ivanovich. The typological features of the dreamer and underground man are reworked and fused in the first figurative unity. The problem of free will turns out to be a key one in the process of artistic cognition of the "mystery of man" in Dostoevsky's novel "The Gambler". The analysis is based on the approach developed by D. Chizhevsky. The conducted research allows at the present stage to fill in the gaps that exist in the source study base of Dostoevsky studies.

Key words: Dostoevsky, N. Strakhov, psychology, psychology realism, novel "The Gambler", free will.

Труды Н. Н. Страхова по психологии изучены недостаточно. В достоевковедении они, насколько нам известно, не рассматриваются в качестве возможного источника психологического реализма Достоевского. Разработка проблемы в этом ракурсе в данном исследовании опирается на аксиологические основы метода Д. И. Чижевского (1894–1977). В своих работах, посвященных Страхову и Достоевскому, Чижевский указывал на то, что Страхов был «философским информатором Достоевского», и многие темы и образы в художественном творчестве писателя генетически связаны с философскими исследованиями ученого¹. Проблема воли в «Игроке» Достоевского в рамках данной статьи будет рассматриваться в контексте работ Страхова по психологии и физиологии.

Но прежде чем мы перейдем к анализу работ Страхова, необходимо остановиться на понятии «психологический реализм Достоевского». Понятие это, с одной стороны, является общим местом

¹ См.: Тоичкина А. В. 1) «И как пишет критик Страхов...» (Тема спиритизма в публицистике Достоевского, Н. Н. Страхова и в романе «Братья Карамазовы») // Достоевский и журнализм / под ред. В. Захарова, К. Степаняна, Б. Тихомирова. СПб., 2013. (Dostoevsky Monographs; вып. 4). С. 299–315; 2) Н. Н. Страхов, журнал *Заря* и творчество Ф. М. Достоевского конца 1860-х гг. // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2021. Т. 18, вып. 3. С. 479–497.

в достоевсковедении (о нем существует большая литература²). С другой стороны, оно требует обозначения нашего понимания определения художественного метода писателя. Термин возник еще в 1840-е гг., когда писатель только входил в литературу. В известном письме брату, М. М. Достоевскому, он писал: «Во мне находят новую оригинальную струю (Белинский и прочие), состоящую в том, что я действую Анализом, а не Синтезом, то есть иду в глубину и, разбирая по атомам, отыскиваю целое, Гоголь же берет прямо целое и оттого не так глубок, как я. Прочтешь и сам увидишь» (28₁, 118). В. Н. Майков в статье «Нечто о русской литературе в 1846 году» писал: «И Гоголь и г. Достоевский изображают действительное общество. Но Гоголь — поэт по преимуществу социальный, а г. Достоевский — по преимуществу психологический <...> В “Двойнике” манера г. Достоевского и любовь его к психологическому анализу выразились во всей полноте и оригинальности. В этом произведении он так глубоко проник в человеческую душу, так бестрепетно и страстно вгляделся в сокровенную машину человеческих чувств, мыслей и дел, что впечатление, производимое чтением “Двойника”, можно сравнить только с впечатлением любознательного человека, проникающего в химический состав материи»³. Позже это определение вызвало протест у самого Достоевского: «Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, то есть изображаю все глубины души человеческой» (27, 65). Но это высказывание писателя не означает, что он был противником психологии как науки вообще. Он внимательно следил за ее развитием на протяжении всей своей жизни. Труды Страхова по философии, физиологии и психологии были для него важным источником аналитических наблюдений.

Тем более что психология как наука в XIX в. развивалась параллельно в двух основных направлениях: материалистическом и идеалистическом. Так, русский физиолог и психолог И. М. Сеченов (1829–1905) положил в основу своей программы развития психологии как самостоятельной науки рефлекторную концепцию психического. Детерминистский анализ психической деятельности человека вызвал острую полемику в отечественной науке (К. Д. Кавелин, Ю. Ф. Самарин, Н. Н. Страхов) и культуре (Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский). Сеченов считал, что за любым психическим движением стоит физиологический рефлекс. «Рефлекс трактовался Сеченовым как целостный психически регулируемый акт поведения, связывающий организм со средой (“Рефлексы головного мозга”, 1863). Психическая деятельность рассматривалась по типу рефлекторного процесса: подобно рефлексу, психические акты вызываются внешним воздействием, продолжаются центральной деятельностью и завершаются движением, поступком, речью

² См., напр.: *Лотман Л. М.* Реализм русской литературы 60-х годов XIX века. Л., 1974; *Гинзбург Л. Я.* О литературном герое. Л., 1979; и др.

³ *Майков В. Н.* Критические опыты (1845–1847). СПб., 1891. С. 325–327.

и др. Тем самым радикально менялось понимание предмета психологии, который отныне не сводился к непосредственно данным фактам сознания, начинающимся и кончающимся в *его* недрах. Психология определялась как наука о происхождении (в смысле протекания) психических деятельностей (“Кому и как разрабатывать психологию”, 1873). При этом важнейшая роль отводилась генетическому методу, позволяющему проследить становление сознания и тем самым объяснить его⁴. Страхов принадлежал к лагерю религиозной философии, на базе которой формировалась традиция идеалистической психологии. Проблема соотношения физиологии и психологии была в центре внимания ученых второй половины XIX в. Упомянем такие труды, как «Учебник психологии» С. П. Автократова (СПб., 1865), монографии М. Владиславлева «Современные направления в науке о душе» (СПб., 1866), архимандрита Гавриила (Кикодзе) «Основания опытной психологии» (СПб., 1858), Ф. А. Голубинского «Умозрительная психология» (М., 1871), Н. Я. Грота «Основания экспериментальной психологии» (М., 1896), «Лекции по психологии» Н. Г. Дебольского (СПб., 1886), «Задачи психологии» К. Д. Кавелина (СПб., 1872), книги «Психология» В. А. Снегирева (Харьков, 1893), «Самостоятельное начало душевных явлений» Г. Струве (М., 1870), «Немецкая психология в текущем столетии» М. М. Троицкого (М., 1867), «Язык физиологов и психологов» П. Д. Юркевича (1862). Страхов писал свои сочинения в контексте научных исследований своего времени. Не случайно он в окончательном варианте издал свою книгу в двух частях с общим названием «Об основных понятиях психологии и физиологии» (СПб., 1886). Она включала первую часть «Об основных понятиях психологии», вторую «Об основных понятиях физиологии» и приложение «О развитии организмов». Такая систематизация материала отражала не только его решение вопроса о соотношении души и тела, но была характерна для литературы по психологии этого времени. В разделе о физиологии он предлагал как объяснение соотношения психологии и физиологии (науки о душе и науки о теле) образ часов: «Вот очень меткое сравнение: тело живого существа есть механизм часов, а душа есть то время, которое часы показывают. Механизм действует сам по себе, ничего не зная о разделении времени и не содержа в себе никакой причины этого разделения; между тем показания времени совершаются и в одних этих показаниях — весь смысл этого механизма»⁵. И здесь же он писал: «Психическими явлениями мы называем только наши *сознательные* явления, т. е. те, которые наблюдаем внутри самих себя, в своем сознании, или внутреннем мире, и которых никаким другим способом наблюдать не можем»⁶. К вопросу о Боге как

⁴ Ждан А. Н. Общий очерк истории психологии в России // Российская психология: антология / авт.-сост. А. Н. Ждан. М., 2009. С. 9.

⁵ Страхов Н. Н. Об основных понятиях психологии и физиологии. СПб., 1886. С. 146.

⁶ Там же. С. 142–143.

начале всего и вся Страхов выходил ближе к финалу своего очерка физиологии. Это достаточно редкий случай, когда философ прямо высказывается о своих религиозных воззрениях и смысле своих научных исследований: «Все происходит из Бога и все по воле Его совершается. Но такая общая и отвлеченная мысль, хотя часто может быть достаточна для нашего сердца, не может однако удовлетворять нашего ума и нисколько не упраздняет научных задач. <...> Анализируя окружающую нас природу, мы, очевидно, стремимся внести в наше созерцание связь, порядок, ясное различие и отчетливую иерархию явлений, так что, если способны видеть Бога, то будем таким образом постепенно и твердо вести нашу мысль к лучшему и лучшему Его постижению»⁷. Смысл естественных наук для Страхова состоит в постижении Бога⁸.

Базис философских и естественно-научных знаний Страхова проявлялся в его критических работах о русской литературе. Так, в IV, заключительном разделе первой статьи о «Войне и мире» Толстого Страхов писал, что «всякая человеческая жизнь управляется не умом и волею, т. е. не мыслями и желаниями, достигшими ясной сознательной формы, а чем-то более темным и сильным, так называемую *натурой* людей»⁹. Эта мысль была важна и для Достоевского: он тоже постоянно обращался к «натуре» человека и постоянно ее художественно исследовал. Сложное взаимодействие «ума-сознания» и «натуры» человека является источником поступков его героев. Понятие свободы воли оказывается ключевым в плане постижения судьбы человека, с одной стороны, зависящего от значительного круга обстоятельств, с другой — имеющего возможность выбора собственной судьбы. Страхов обращался к этой теме в своих работах по психологии.

Еще в самом начале 1860-х гг., на этапе сотрудничества с журналом «Светоч» и знакомства с братьями Достоевскими в кружке А. П. Милокова, Страхов останавливался на проблеме воли. В его статьях, которые выходили в «Светоче» в 1860–1861 гг., в целом были подняты многие темы и проблемы, из которых потом выросли его работы следующих десятилетий по физиологии и психологии¹⁰. О проблеме сво-

⁷ Страхов Н. Н. Об основных понятиях психологии и физиологии. С. 174.

⁸ В этом смысле известный его трактат «Мир как целое» (1872) — это тоже трактат о Боге, написанный естественно-научным языком.

⁹ Война из-за «Войны и мира»: Роман Л. Н. Толстого в русской критике и литературоведении. СПб., 2002. С. 204.

¹⁰ Во второй половине 1860-х гг. в «Отечественных записках» вышли две его статьи «Английская психология. “Немецкая психология в текущем столетии. Историческое и критическое исследование, с предварительным очерком успехов психологии со времен Бэкона и Локка” М. Троицкого. М. 1867» (в первой книге за сентябрь и второй за декабрь 1868 г. В «Заре» эта тема была продолжена Страховым в статьях «Самостоятельное начало душевных явлений. Психо-физиологическое исследование, написанное <...> Генрихом Струве. М. 1870 <...> (1870. №5. О. П. С. 132–172); «Основания психологии и логики по Бенке. Руководство <...> составлено И. Г. Дресслером <...> СПб., 1871» (1871. №8. О. П. С. 1–8). В 1872 г. вышел выполненный Страховым перевод труда И. Тэна «Об уме и познании»

боды воли¹¹ Страхов писал в рецензии на «Очерки вопросов практической философии П. Л. Лаврова»: «...главное начало, существенное основание личности <...> есть стремление воли человека к свободе. Когда спрашивают, свободна ли воля или нет, то при этом обыкновенно разумеют на манер схоластиков какое-то свойство, совершенно определенное и принадлежащее существу, называемому душою, точно так, как желтый цвет принадлежит золоту. Подобные представления совершенно неверны. Человек сознает себя свободным; это не значит, что он действительно свободен, а только то, что свобода воли для него возможна, что в нем действует неискоренимое стремление к такой свободе. Воля по самой своей сущности — желает своей свободы. Очень часто человек, подобно каким-нибудь ничтожным существам, управляется обстоятельствами и представляет покорную игрушку всех сил, какие на него действуют. Но это не значит, что человек есть существо, слепо подчиненное необходимости. Напротив, в нем живет, и только в нем одном, сила бесконечного противодействия, неумолимого освобождения от всего, что на него ни действует. История этого противодействия есть история человечества. Как для мысли существенный идеал есть чистая мысль, мысль сама себя полагающая, так и для воли главный идеал есть чистая, сама себя полагающая воля. Таким образом, воля не управляется чем-нибудь для нее чуждым, но сама в себе носит свой идеал. Существенным, необходимым образом воля подчинена только одному — именно идее своей свободы, идее неподчинения, самобытного и сознательного самоопределения»¹². В «Основных понятиях психологии» эта тема приобретает более сложную интерпретацию.

Страхов пишет, что психические явления во всех состояниях человека (не только во снах) не зависят от его сознания: «Мы приносим с собою, являясь на свет, определенные задатки душевных сил, и ни качество, ни размеры этих сил от нас не зависят». Человек не управляет ни развитием собственной души, ни развитием своего тела

с предисловием переводчика («О чисто эмпирическом методе»). В 1873 г. в «Гражданине», выходящем под редакцией Ф. М. Достоевского, была опубликована рецензия Страхова на «Психологические этюды» И. М. Сеченова. В 1878 г. в «Журнале Министерства народного просвещения» были опубликованы статьи «Об основных понятиях психологии. Глава I. Различие между душой и телом», «Глава вторая и последняя. Изучение души». Размышления Страхова о душе (как главном предмете изучения психологии) позже составили первую часть его книги «Об основных понятиях психологии и физиологии». Отдельным изданием очерк Страхова «Об основных понятиях психологии» вышел раньше, в 1878 году. Издание было в библиотеке Достоевского (Библиотека Достоевского. СПб., 2005. С. 302).

¹¹ Этой теме был посвящен целый ряд научных исследований второй половины XIX в. Укажем, к примеру, книги П. Е. Астафьева «Опыт о свободе воли. (Из посмертных рукописей)» (СПб., 1897), Н. Я. Грота «Критика понятия свободы воли в связи с понятием причинности» (М., 1889). Разделы, посвященные феномену воли, можно найти в большинстве сочинений по психологии этого времени. См., напр., большой раздел «Воля» в «Психологии» В. А. Снегирева (Харьков, 1893).

¹² Светоч. 1860. № 7. О. III. С. 12–13.

«от младенчества до дряхлости». При этом тело характеризуется большим постоянством, чем душа. Так как «в душе мы не можем, по-видимому, ругаться ни за одну мысль, ни за одно желание, ни за одно чувство, как за что-нибудь неизменное; все это может исчезнуть, все это может замениться другим содержанием». По Страхову, «сама природа психических явлений такова, что мы лишены возможности закрепить их, удержать в неизменном виде». Получается, что человек не свободен от себя самого, от своей природы. Мало того, никакие усилия человека не могут остановить процесс изменений в нем: «пламенное чувство холодеет», «живая мысль иссыхает». И этот процесс превращений не могут остановить и даже задержать никакие усилия¹³. Человек в этом рассуждении Страхова — всегда «зритель собственной жизни, а не только ее творец». Решение вопроса о свободе человека и независимости его волеизъявления в данном контексте оказывается весьма проблематичным. Процесс объективирования собственных душевных состояний чреват состоянием, подобным сну, когда человек не живет, а созерцает, как ему живет. Настроение, подобное сну «среди самой бодрой жизни», значит, что «в душе нашей поднялись такие чувства, которых мы не ожидали ни от себя, ни от внешних обстоятельств, и мы вдруг теряем обыкновенное чувство обладания и собою и действительностью»¹⁴. Вместе с тем Страхов выступает в этом очерке против субъективного идеализма, утверждая объективный характер окружающей нас действительности, так как «действительность не только не входит в число явлений внутреннего мира, но составляет то условие, которое необходимо, чтобы образовалось понятие о внутреннем мире»¹⁵.

В 12-м разделе очерка «Воля» Страхов писал, что воля «не есть источник или производящая причина наших действий; круг наших действий дан нам помимо нашей воли: он зависит от свойств и сил нашей души и тела, и никакая воля не может расширить и изменить его». Тем не менее Страхов не отрицает свободы выбора и свободы волеизъявления, так как «воле дано избирать между этими данными действиями, или воздерживаться от них». И хотя он пишет о том, что «по-русски воля и свобода — синонимы, и “несвободная воля” есть “*contradictio in adjecto*”¹⁶», далее в его концепции свобода (как власть человека над своими поступками) выглядит ограниченной¹⁷. Так, он пишет, что воля (как всякая сила) «подчинена известным законам, от которых не может уклоняться». И «свободная сила» — такое же *contradictio in adjecto*, как и «несвободная воля». То есть, чтобы правильно понимать волю, «мы должны объективировать все силы и действия души, и потом представить, что воля распоряжается ими, следовательно, стоит выше сил

¹³ *Страхов Н. Н.* Об основных понятиях. С. 47–48.

¹⁴ Там же. С. 48–49.

¹⁵ Там же. С. 70.

¹⁶ Противоречие в определении (*лат.*).

¹⁷ *Страхов Н. Н.* Об основных понятиях. С. 81.

и действий одушевленного существа, а не в числе их, не наряду с ними. Если же так, то она объективирована быть не может. И в самом деле, как объективировать *выбор* и *воздержание*?»¹⁸ Далее Страхов спорит с популярной в 1860–1870-х гг. точкой зрения, что выбора нет, а есть только уничтожение одного желания другим. «Но все мы знаем, что человек, душа которого находится во власти борющихся желаний, который повинуется лишь сильнейшему из них и не может воздержаться ни от одного, пока оно не подавлено другими, есть жалкое существо, не умеющее владеть собою, лишенное *воли*. И всем нам понятно, что значит — стать выше своих желаний и стремиться одни подавить, а другие воспитать и усилить». Страхов пишет о том, что «мы можем объективировать свои желания, т. е. сделать их тщетными и ложными, как выражается Декарт, обратить их в простые явления внутреннего мира, и уйти от них в свое недоступное “я”»¹⁹. Далее он приводит слова Шопенгауэра (один из любимых и почитаемых Страховым философов): «Если мы предположим <...> свободу воли, то каждое человеческое действие было бы необъяснимым чудом, именно — действием без причины»²⁰. «Ум при этом собственно становится в тупик», так как «невозможно, <...> чтобы какое бы то ни было действие не было вполне определено его условиями; следовательно, нет произвольных действий»²¹. Страхов указывает на специфику отношения человека к действию: «Но в некоторых действиях одно из условий есть мое соизволение, а это соизволение я лишь совершенно неправильно могу признать за что-то объективное и поставить в один ряд с другими условиями. Объективировать его я имею столь же мало права и возможности, как объективировать познание или чувство». Вывод Страхова: «<...> только тот мир, который мы вполне объективируем, только мир вещественный мы признаем вместе с тем областью полной необходимости, тогда как самым низшим одушевленным существам приписываем зачатки произвола»²².

Достоевский ставил и разрабатывал проблему свободы воли человека на протяжении всего своего творческого пути. Особенно остро эта проблема высветилась в характерах таких персонажей, как «мечтатель», «двойник», «подпольный человек». В 1866 г. писатель воплотил эту проблему в сюжете преступления Раскольникова и судьбе Алексея Ивановича в романе «Игрок». Художественное осмысление темы свободы воли в творчестве Достоевского имеет ряд черт, заставляющих вспомнить о концепции Страхова.

В свое время С. А. Аскольдов в статье «Психология характеров у Достоевского» указывал на главную проблему персонажей Достоевского

¹⁸ Там же. С. 82.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 83.

²¹ Там же. С. 84.

²² Там же.

как на вторжение в их жизнь сверхличной силы: «Эта область сверхличных эмоций очень существенна в жизни героев Достоевского, поскольку ими именно определяются многие их поступки и вообще вся духовная эволюция»²³. По наблюдениям Аскольдова, в душевных переживаниях действующих лиц «мы ясно видим, что по временам в их душевную жизнь вторгается нечто, в той или иной мере чуждое их природе, существенно изменяющее строй их мыслей, чувств и настроений. Это чуждое другое имеет все степени обособления от их собственного “я”. Иногда это чуждое почти неразлично от собственного “я”, наиболее с ним ассимилировано»²⁴. Особенность подобного рода раздвоения персонажа Достоевского (Раскольников, Ивана Карамазова) Аскольдов видит в том, что «раздвоение не касается только какой-нибудь области мысли, чувств или действий. Нет, оно проникает все существо человека». Вместе с тем Аскольдов пишет: «Достоевский может во многих отношениях служить ключом к пониманию душевных болезней, а именно того, что душевная болезнь развивается, как постепенное выхождение из нормы, и при том именно из нравственных норм, что душевнобольной, во многих случаях, является нравственно ответственным в том, что он дошел до душевной болезни»²⁵.

В «Игроке» (1866) Достоевский изображает «ад рулетки»²⁶ — который он переживал сам в течение нескольких лет своей жизни. Как пишет Л. П. Гроссман, «еще в 40-х годах он увлекался игрою на бильярде до крупных проигрышей и знакомств с шулерами. В Сибири, по выходе из каторги, еще решительнее сказывалась эта дремлющая страсть. <...> Попав летом 1862 года впервые за границу, Достоевский прежде всего направляется в один из знаменитых игорных курортов Германии и выигрывает, “прежде чем доехал до Парижа”, 10 тысяч франков. Это происходило, очевидно, в одном из городов, расположенных неподалеку от французской границы — Висбаден, Гомбург, Баден-Баден, — которые на целое десятилетие вошли в биографию Достоевского как места его чрезвычайно сильных, а подчас и весьма тяжелых переживаний. Сила охватившей его страсти сильнее всех доводов рассудка: “Хуже всего, что натура моя подлая и слишком страстная. Везде-то и во всем я до последнего предела дохожу, всю жизнь за черту переходил”. Азарт непреодолимо влечет его, как опасный и гибельный соблазн: “Главное — сама игра. Знаете ли, как это втягивает. Нет, кланюсь вам, тут не одна корысть, хотя мне прежде всего нужны были деньги для денег”. <...> В 1863 году, когда его ждет в Париже А. П. Сусллова,

²³ Аскольдов С. А. Психология характеров у Достоевского // Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. Сб. 2. Л.–М., 1924. С. 7.

²⁴ Там же. С. 10.

²⁵ Там же. С. 12.

²⁶ Достоевский писал: «А это описание своего рода ада, своего рода каторжной “бани”; хочу и постараюсь сделать картину» (письмо Страхову из Рима от 18 (30) сентября 1863 г., 28,, 51).

он снова задерживается по пути на несколько дней в Висбадене с мечтой выиграть 100 тысяч. Он сразу выигрывает 10 400 франков и решает на другой же день уехать, не заходя на рулетку; но решения не выдерживает и проигрывает более половины выигранной суммы. Из оставшихся 5 тысяч франков он переводит значительную часть в Петербург с просьбой передать их тяжело больной Марии Дмитриевне. Но уже через несколько дней сообщает родным, что “проигрался на рулетке весь совершенно, дотла”. Достоевский просит родственников о срочном возвращении ему отосланных денег²⁷. Не случайно роман был назван Достоевским «Рулетенбург», а не «Игрок» — это название дал изданию издатель. Главным предметом исследования в произведении было переживание азарта рулетки, жизнь героя, втянутая в омут игры. «Весь рассказ — рассказ о том, как он третий год играет по игорным городам на рулетке» (28, 51). Роман написан в форме записок молодого человека, от лица главного героя. Процесс втягивания протагониста в игру показан с самого начала, с первой игры, на которую герой отправился по заданию Полины, до состояния «глубокого запоя игрой», когда герой уже не в силах выбраться из мира Рулетенбурга в финале произведения. В процессе самоанализа Алексей Иванович тщательно фиксирует в тексте свои чувства и переживания. И, как писал С. А. Аскольдов, герои Достоевского «и свои собственные положения и поступки постоянно как бы рассматривают со стороны. Правда, эта оценка себя “со стороны” бывает и заинтересованной; она совпадает с их самолюбием, которое у них часто бывает болезненным, как например, у “подростка”. Но к самолюбию примешивается еще и нечто другое, какая-то своеобразная объективность. Им не только важно “казаться” тем или иным для других, но и “казаться” для себя. Они часто ставят себя в те или иные положения не потому, что это отвечает их личным целям, и не только, чтобы произвести эффект на других, а побуждаемые какой-то странной страстью просто совершить то или иное деяние, стать в определенное положение, чтобы быть своим собственным зрителем»²⁸. Достоевский последовательно объективирует повествование героя. Слово героя конструируется в двух плоскостях: непосредственные впечатления настоящего момента, а также мысли, переживания, события, реакции других участников событий, и в самом его слове обозначаются две плоскости изображения: субъективная и объективная.

Во второй главе, когда герой первый раз входит в игорные залы, он пишет: «Признаюсь, у меня стучало сердце, и я был не хладнокровен; я наверно знал и давно уже решил, что из Рулетенбурга так не выеду; что-нибудь непременно произойдет в моей судьбе радикальное и окончательное. Так надо, и так будет. Как это ни смешно, что я так много жду для себя от рулетки, но мне кажется еще смешнее рутинное

²⁷ Гроссман Л. П. Достоевский. М., 1962. С. 285–287.

²⁸ Аскольдов С. А. Психология характеров у Достоевского. С. 7.

мнение, всеми признанное, что глупо и нелепо ожидать чего-нибудь от игры. И почему игра хуже какого бы то ни было способа добывания денег — например, хоть торговли? Оно правда, что выигрывает из сотни один. Но какое мне до того дело?» (5, 240). Герой в этот первый визит хочет изучить игру, «потому что, несмотря на тысячи описаний рулетки, которые я читал всегда с такою жадностью, я решительно ничего не понимал в ее устройстве до тех пор, пока сам не увидел». Это значит, что герой был готов к встрече с рулеткой, и дело не в Полине, которая послала его играть. Неприятные ощущения, которые он испытывает, в первый раз попав на рулетку, носят двойственный характер. «Мне там, с первого взгляда, все не понравилось» (5, 240). Не понравилась, как оказывается, во-первых, скудость обстановки и отсутствие «гор золота»: «Никакого великолепия нет в этих дрянных залах, а золота не только нет грудями на столах, но и чуть-чуть-то едва ли бывает» (5, 240). Во-вторых, «мне все показалось грязно — как-то нравственно грязно» (5, 241). Но при этом чуть далее герой сам отстраняет от себя вопрос нравственных убеждений: «<...> во все последнее время мне как-то ужасно противно было прикидывать поступки и мысли мои к какой бы то ни было нравственной мерке. Другое управляло мною...» (5, 243). Вопрос остается открытым: что это — «другое»? И в-третьих, герою невыносимо от того, что он играет для Полины: «Мысль, что я приступаю к игре не для себя, как-то сбивала меня с толку. Ощущение было чрезвычайно неприятное, и мне захотелось поскорее развязаться с ним. Мне все казалось, что, начиная для Полины, я подрываю собственное счастье. Неужели нельзя прикоснуться к игорному столу, чтобы тотчас же не заразиться суеверием?» (5, 243). И вот ощущения первого выигрыша: «<...> из десяти фридрихсдоров у меня появилось вдруг восемьдесят. Мне стало до того невыносимо от какого-то необыкновенного и странного ощущения, что я решился уйти. Мне показалось, что я вовсе бы не так играл, если бы играл для себя» (5, 243). Герой отдает Полине деньги и отказывается играть для нее, потому что «это мешает», а он «хочет играть для себя» (5, 244). Из вопроса Полины мы узнаем об убеждении героя: «Так вы решительно продолжаете быть убеждены, что рулетка единственный исход и спасение? — спросила она насмешливо. Я отвечал очень серьезно, что да <...>» (5, 244). Страсть к Полине — сопутствующая основной страсти — страсти к рулетке. Обе эти страсти обозначают внутреннюю порабощенность воли героя, одержимость его надличными эмоциями. Так, Н. С. Трубецкой формулировал «основную психологическую тему» «Игрока» как «вытеснение любви к женщине страстью к игре»²⁹. Напомним, что против этой (популярной в XIX в.) идеи вытеснения одного желания другим возражал в своих работах Страхов.

²⁹ Трубецкой Н. С. О «Записках из подполья» и «Игроке» // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 700.

Вопрос о свободной воле и само это выражение возникает в ироническом объяснении Алексея Ивановича с генералом по поводу затеянной им (по приказу Полины) истории с бароном Вурмергельмом и его женой. В начале герой оправдывает себя болезненным состоянием: «В последнее время, эдак недели две, даже три, я чувствую себя нехорошо: больным, нервным, раздражительным, фантастическим и, в иных случаях, теряю совсем над собою волю» (5, 263). А далее он говорит генералу о своем намерении объясниться с бароном: «Я желаю только разъяснить обидное для меня предположение, что я нахожусь под опекой у лица, будто бы имеющего власть над моей свободной волею» (5, 265). Сказано очень точно, потому что генерал никакой реальной власти над Алексеем Ивановичем не имеет. Одержимость рулеткой дает герою ощущение независимости и власти: «Странное дело, я еще не выиграл, но поступаю, чувствую и мыслю как богач и не могу представлять себя иначе» (5, 266).

Бабушка (Антонида Васильевна Тарасевичева) при первом посещении рулетки видит молодого человека, который выигрывает деньги: «Он был бледен; у него сверкали глаза и тряслись руки; он ставил уже без всякого расчета, сколько рука захватит, а между тем все выигрывал да выигрывал, все загребал да загребал» (5, 292). Бабушка пытается его остановить, но это оказывается невозможным: «Экая досада! Пропал человек, значит сам хочет...» (5, 292) А через короткое время она сама оказывается в ситуации азартного игрока, и остановиться тоже не может. Сперва выигрывает, а потом проигрывает все наличные деньги. Один из моментов выигрыша бабушки, поставившей на *zéro*, Алексей Иванович комментирует следующим образом: «Я сам был игрок; я почувствовал это в ту самую минуту. У меня руки-ноги дрожали, в голову ударило» (5, 295). Еще в худшем состоянии он оказывается в момент своего фантастического выигрыша: «<...> о странное ощущение — я помню отчетливо, что мною вдруг действительно без всякого вызова самолюбия овладела ужасная жажда риску. Может быть, перейдя через столько ощущений, душа не насыщается, а только раздражается ими и требует ощущений еще, и все сильней и сильней, до окончательного утомления» (5, 328). Герой возвращается к Полине в состоянии тяжелом: «Я, впрочем, не помню, о чем я думал дорогою; мысли не было. Ощущал я только какое-то ужасное наслаждение — удачи, победы, могущества — не знаю, как выразиться. Мелькал передо мной образ Полины; я помнил и сознавал, что иду к ней, сейчас с нею сойдуся и буду ей рассказывать, покажу... но я уже едва вспомнил о том, что она мне давеча говорила, и зачем я пошел, и все те недавние ощущения, бывшие всего полтора часа назад, казались мне уж теперь чем-то давно прошедшим, исправленным, устаревшим — о чем мы уже не будем более поминать, потому что теперь начнется все сызнова» (5, 329). Уже утром, после побега Полины к мистеру Астлею, Алексей Иванович фиксирует новый ракурс в своем отношении к Полине: «Клянусь мне было жаль Полину,

но странно — с самой той минуты, как я дотронулся вчера до игорного стола и стал загребать пачки денег, моя любовь отступила как бы на второй план. Это я теперь говорю; но тогда еще не замечал всего этого ясно» (5, 335). Сам герой только в этот момент вдруг задается вопросом, ответ на который уже очевиден для других участников событий и читателя: «Неужели я и в самом деле игрок, неужели я и в самом деле... так странно любил Полину? Нет, я до сих пор люблю ее, видит Бог!» (5, 335). Герой даже себе не признается, что его любовь к Полине — ничто по сравнению со страстью к рулетке. Герой уезжает в Париж с Бланш уж как-то совсем не по своей воле: «Не скажу, чтобы мне было весело. Жизнь переламывалась надвое, но со вчерашнего дня я уж привык все ставить на карту. Может быть и действительно правда, что я не вынес денег и закружился. Может быть только этого мне и надо было» (5, 337). Жизнь с Бланш в Париже не дает герою ни радости, ни утешения, но он сам ничего сделать не может: «<...> я всеми силами желал, чтоб все это поскорее кончилось. Но наших ста тысяч франков хватило, как я уже сказал, почти на месяц, чему я искренне удивлялся <...>» (5, 341).

В последней главе романа герой возвращается к своим запискам через год и восемь месяцев после описанных событий. Здесь он сам констатирует положение дел как следствие своих поступков: «Я просто сгубил себя!» (5, 346–347). Но эта констатация факта удивительным образом не затрагивает рулетку: «Тут дело в том, что — один оборот колеса и все изменяется, и эти же самые моралисты первые (я в этом уверен) придут с дружескими шутками поздравлять меня. <...> Что я теперь? zéro. Чем могу быть завтра? Я завтра могу из мертвых воскреснуть и вновь начать жить! Человека могу обрести в себе, пока еще он не пропал!» (5, 347). Ужас психической одержимости героя страстью к рулетке состоит в том, что он на уровне чувств фиксирует свое состояние, но осознанно сформулировать реальное положение не может: «Я, конечно, живу в постоянной тревоге, играю по самой маленькой и чего-то жду, рассчитываю, стою по целым дням у игорного стола и наблюдаю игру, даже во сне вижу игру, но при всем этом мне кажется, что я как будто одеревенел, точно застрял в какой-то тине» (5, 348). Этот его психический статус подтверждает и мистер Астлей: «Вы одеревенели, <...> вы не только отказались от жизни, от интересов своих и общественных, от долга гражданина и человека, от друзей своих (а они все-таки у вас были) — вы не только отказались от какой-либо цели, кроме выигрыша, — вы даже отказались от воспоминаний своих» (5, 350). Как пишет Р.Л. Джексон, «“Мертвы те, кто потерял свои воспоминания”. Для Достоевского потеря памяти подразумевает статичный взгляд на вселенную и, в конце концов, нравственную и духовную гибель»³⁰. Достоевский вскрывает проблему воли изнутри, в слове героя, которое воплощает внутренний конфликт его личностного самосознания: «Неужели я сам не понимаю,

³⁰ Джексон Р.Л. Искусство Достоевского. Бреды и ноктюрны. М., 1998. С. 184.

что я погибший человек? Но — почему же я не могу воскреснуть. Да! Стоит только хоть раз в жизни выдержать характер, и я в один час могу всю судьбу изменить! Главное — характер» (5, 354). В сознании героя происходит искажение понимания возможностей проявления воли. Мир Рулетенбурга цикличен и замкнут на себе, смерть — это проигрыш, воскресение из мертвых — выигрыш, одно оборачивается другим, деньги фантастическим образом появляются и исчезают, но все это не дает позитивного исхода — герой не может вырваться из мира рулетки. Подмена ценностных ориентиров приводит к полному порабощению его воли навязанными извне правилами, происходит подчинение его души, ума, сердца рулетке как способу бытия. Достоевский художественно исследует деформации души человека, втянувшегося в мир азарта и барыша. Но при этом писатель не ставит под сомнение возможность свободы выбора героем своей судьбы, который предопределяет развитие событий. В своем романе Достоевский исследует последствия выбора, уже сделанного героем, который не в состоянии выбраться из «тины рулетки».

В своем произведении Достоевский описал тип русского игрока, продолжив линию характера пушкинского Германа³¹. В этом типе он синтезировал черты, ранее разработанные им в типах «мечтателя» и «подпольного человека». Но изображение психических состояний «погибшего человека» и описание проблемы свободы воли одержимого страстью к рулетке в «Игроке» были направлены на диагностику и вскрытие болезни души с целью ее излечения. В 1860-е гг. писатель формулировал задачу литературы как «восстановление погибшего человека». Этой гуманной задаче он подчинял все средства своего художественного труда. Страхов в своих работах рассматривал проблему свободы воли с позиций «вечных и общих интересов», «по мерилам благородства и красоты», в то время как Достоевский исследовал в историческом преломлении драму «неизбежной власти различных влияний и неизбежной податливости человеческой природы», что не только не отменяло у него понятие нравственного центра, а должно было заставить читателя искать и обретать этот центр³². Р. Лаут указывает, что Достоевский «не поднимал волю до уровня фундаментального метафизического принципа. Он считал, что хотение есть “проявление всей жизни”». При этом, выступая в явлении, оно выражает целостную природу человека, а не только часть ее. Центр волевых решений отделен и независим от разума, воля зачастую совершенно расходится с ним. Когда душа решается на какой-то поступок, она действует как целое, включая все — как осознанные, так и неосознанные — компоненты.

³¹ Генезис образа Алексея Ивановича в этом аспекте первым рассмотрел А.Л. Бем в статье «“Пиковая дама” в творчестве Достоевского» (Вокруг Достоевского: в 2 т. Т. 1: О Достоевском: сборник статей / под ред. А.Л. Бема. М., 2007. С. 430–461).

³² Об этом Страхов пишет в своих воспоминаниях: *Страхов Н.Н.* Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Биография, письма и заметки из записной книжки Ф.М. Достоевского. СПб., 1883. С. 172.

Человеческое воление определяется не только сознательной, но и бессознательной частью души. Разум может предлагать центру волевых решений определенные действия, но волевые импульсы остаются все же самостоятельными, питаясь из всех источников души»³³.

Роман «Игрок» принято рассматривать в контексте биографии Достоевского, на собственном опыте познавшего «ад рулетки»³⁴. Анна Григорьевна писала в «Воспоминаниях» по поводу увлечения писателя игрой: «Сначала мне представлялось странным, как это Федор Михайлович, с таким мужеством перенесший в своей жизни столько разнородных страданий (заключение в крепости, эшафот, ссылку, смерть любимого брата, жены), как он не имеет настолько силы воли, чтобы сдержаться, остановиться на известной доле проигрыша, не рисковать своим последним талером. Мне казалось это даже некоторым унижением, недостойным его возвышенного характера, и мне было больно и обидно признать эту слабость в моем дорогом муже. Но скоро я поняла, что это не просто “слабость воли”, а всепоглощающая человека страсть, нечто стихийное, против чего даже твердый характер бороться не может. С этим надо было примириться, смотреть на увлечение игрой как на болезнь, против которой не имеется средств»³⁵. Чудо случилось весной 1871 г. Проигравшись в Висбадене в пух и прах, 16/28 апреля Достоевский направил покаянное письмо жене, и более к рулетке не возвращался. По мнению Анны Григорьевны, состоялось излечение от тяжелой болезни, в процессе чего немаловажную роль сыграл и роман «Игрок», психологические рассуждения в котором развивались не без взаимодействия с концепциями Н. Н. Страхова.

Библиографический список

- Аскольдов С. А.* Психология характеров у Достоевского // Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. Сб. 2. Л.–М., 1924. С. 5–27.
- Бем А. Л.* «Пиковая дама» в творчестве Достоевского // Вокруг Достоевского: в 2 т. Т. 1: О Достоевском: сборник статей / под ред. А. Л. Бема. М., 2007. С. 430–461.
- Бем А. Л.* «Игрок» Достоевского (В свете новых биографических данных) // Современные записки. 1925. Т. 24. С. 379–392.
- Библиотека Ф. М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание. СПб., 2005. 338 с.
- Гинзбург Л. Я.* О литературном герое. Л., 1979. 224 с.

³³ *Лаут Р.* Философия Достоевского в систематическом изложении. М., 1996. С. 94.

³⁴ См., напр.: *Бем А. Л.* «Игрок» Достоевского: (В свете новых биографических данных) // Современные записки. 1925. Т. 24. С. 379–392; *Мочульский К. В.* Достоевский. Жизнь и творчество // Мочульский К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М., 1995. С. 373–377.

³⁵ *Достоевская А. Г.* Воспоминания. М., 1971. С. 162–163.

- Гроссман Л. П. Достоевский. М., 1962. 544 с.
- Джексон Р. Л. Искусство Достоевского. Бреды и ноктюрны. М., 1998. 288 с.
- Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1971. 495 с.
- Ждан А. Н. Общий очерк истории психологии в России // Российская психология: антология / авт.-сост. А. Н. Ждан. М., 2009. С. 1–26.
- Лаут Р. Философия Достоевского в систематическом изложении. М., 1996. 447 с.
- Лотман Л. М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века. Л., 1974. 350 с.
- Майков В. Н. Критические опыты (1845–1847). СПб., 1891. 750 с.
- Мочульский К. В. Достоевский. Жизнь и творчество // Мочульский К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М., 1995. С. 373–377.
- Страхов Н. Н. Об основных понятиях психологии и физиологии. СПб., 1886. 317 с.
- Страхов Н. Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883. С. 179–329.
- Страхов Н. Н. Война и мир. Сочинения графа Л. Н. Толстого. Томы I, II, III и IV. Издание второе. Москва, 1868. Статья первая // Война из-за «Войны и мира»: Роман Л. Н. Толстого «Война и мир» в русской критике и литературоведении. СПб., 2002. С. 177–206.
- Страхов Н. Н. Очерки вопросов практической философии П. Л. Лаврова. СПб., 1860 // Светоч. 1860. № 7. О. III. С. 1–13.
- Тоичкина А. В. «И как пишет критик Страхов...» (Тема спиритизма в публицистике Достоевского, Н. Н. Страхова и в романе «Братья Карамазовы») // Достоевский и журнализм / под ред. В. Захарова, К. Степаняна, Б. Тихомирова. СПб., 2013. (Dostoevsky Monographs; вып. 4). С. 299–315.
- Тоичкина А. В. Н. Н. Страхов, журнал *Заря* и творчество Ф. М. Достоевского конца 1860-х гг. // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2021. Т. 18, вып. 3. С. 479–497.
- Трубецкой Н. С. О «Записках из подполья» и «Игроке» // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 689–705.

References

- Askol'dov S. A. Psikhologija kharakterov u Dostoevskogo [Psychology of characters in Dostoevsky]. In: *F. M. Dostoevskii. Statii i materialy*, vol. 2. Leningrad — Moscow, 1924. Pp. 5–27. (In Russ.)
- Bem A. L. “Pikovaia dama” v tvorcestve Dostoevskogo [“The Queen of Spades” in Dostoevsky’s Works]. In: *Vokrug Dostoevskogo: in 2 vols.*, vol. 1: *O Dostoevskom: sbornik statei*, ed. A. L. Bem. Moscow, 2007. Pp. 430–461. (In Russ.)
- Bem A. L. “Igrok” Dostoevskogo: (V svete novykh biograficheskikh dannykh) [Dostoevsky’s “The Gambler”: (In light of new biographical data)]. *Sovremennye zapiski*, 1925, vol. 24, pp. 379–392. (In Russ.)
- Biblioteka F. M. Dostoevskogo: *Opyt rekonstruktsii. Nauchnoe opisanie* [Library of F. M. Dostoevsky: Reconstruction experience. Scientific description]. Saint Petersburg, 2005. 338 p. (In Russ.)

- Dostoevskaia A.G. *Vospominaniia* [Memoirs]. Moscow, 1971. 495 p. (In Russ.)
- Ginzburg L. Ya. *O literaturnom geroe* [About the literature hero]. Leningrad, 1979. 224 p. (In Russ.)
- Grossman L. P. *Dostoievskii*. Moscow, 1962. 544 p. (In Russ.)
- Jackson R. L. *Iskusstvo Dostoievskogo. Bredy i noktturny* [The Art of Dostoevsky. Delirium and Nocturnes]. Moscow, 1998. 288 p. (In Russ.)
- Laut R. *Filosofia Dostoievskogo v sistemsticheskom izlozhenii* [Dostoevsky's philosophy in a systematic presentation]. Moscow, 1996. 447 p. (In Russ.)
- Lotman L. M. *Realizm russkoi literatury 60-kh godov XIX veka* [Realism of Russian Literature of the 60s of the 19th Century]. Leningrad, 1974. 350 p. (In Russ.)
- Maikov V. N. *Kriticheskie opyty (1845–1847)* [Critical experiences (1845–1847)]. Saint Petersburg, 1891. 750 p. (In Russ.)
- Mochul'skii K. V. *Dostoievskii. Zhizn' i tvorchestvo* [Dostoevsky. Life and works]. In: Mochul'skii K. V. *Gogol'. Solov'ev. Dostoievskii*. Moscow, 1995. Pp. 373–377. (In Russ.)
- Strakhov N. N. *Ob osnovnykh poniatiiakh psikhologii i fiziologii* [About the basic principles of psychology and physics]. Saint Petersburg, 1886. 317 p. (In Russ.)
- Strakhov N. N. *Vospominaniia o Fedore Mikhailoviche Dostoievskom* [Memoirs on Fedor Mikhailovich Dostoevsky]. In: *Biografiia, pis'ma i zametki iz zapisnoi knizhki F. M. Dostoievskogo*. Saint Petersburg, 1883. Pp. 179–329. (In Russ.)
- Strakhov N. N. *Voina i mir*. Sochineniia grafa L. N. Tolstogo. Tomy I, II, III i IV. Izdanie vtoroe. Moskva, 1868 [War and Peace. Collection of Count L. N. Tolstoy. Vols I, II, III and IV. 2nd Edition. Moscow, 1868]. In: *Voina iz-za "Voiny i mira": Roman L. N. Tolstogo "Vojna i mir" v russkoi kritike i literaturovedenii*. Saint Petersburg, 2002. Pp. 177–206. (In Russ.)
- Strakhov N. N. *Ocherki voprosov prakticheskoi filosofii P. L. Lavrova*. Sankt-Peterburg, 1860 [Essays on the issues of practical philosophy by P. L. Lavrov. Saint Petersburg, 1860]. *Svetoch*, 1860, no. 7, div. III, pp. 1–13. (In Russ.)
- Toichkina A. V. "I kak pishet kritik Strakhov..." (Tema spiritizma v publitsistike Dostoievskogo, N. N. Strahova i v romane "Bratia Karamazovy") ["And as the critic Strakhov writes..." (The theme of spiritualism in the publishing of Dostoevsky, N. N. Strahov and in the novel "The Brothers Karamazov")]. In: *Dostoievskii i zhurnalizm*, eds V. Zaharov, K. Stepanian, B. Tikhomirov. Saint Petersburg, 2013. (Dostoevsky Monographs; vol. 4). Pp. 299–315. (In Russ.)
- Toichkina A. V. N. N. Strakhov, zhurnal *Zaria* i tvorchestvo F. M. Dostoievskogo kontsa 1860-kh gg. [N. N. Strakhov, *Zaria* journal and creative work of F. M. Dostoevsky, 1860s]. *Vestnik SPbGU. Iazyk i literatura*, 2021, vol. 18, no. 3, pp. 479–497. (In Russ.)
- Trubetskoi N. S. O "Zapiskakh iz podpolia" i "Igroke" [About "Notes from the Underground" and "The Gambler"]. In: Trubetskoi N. S. *Istoriia. Kul'tura. Iazyk*. Moscow, 1995. Pp. 689–705. (In Russ.)
- Zhdan A. N. *Obshchii ocherk istorii psikhologii v Rosii* [General outline of the history of psychology in Russia]. In: *Rossiiskaia psikhologia: antologiya*. Author-compiler A. Zhdan. Moscow, 2009. Pp. 1–26. (In Russ.)